

Заметки о детстве и социологии детства

Статья содержит несколько биографических эпизодов – детского периода, а также современную социологическую рефлексию по поводу этих эпизодов. Здесь выделены два аспекта. Первый – социальное отношение «Родители-дети», которое рассматривается в достаточно длинной исторической ретроспективе. Второй – обсуждение проблемы «границ детства». Эти два аспекта выводят к фундаментальному вопросу о предмете социологии детства.

Ключевые слова: детство, периодизация детства, социология детства, предмет социологии детства, референтные группы, социальные институты, связанные с детством.

Олег Божков
Социологический институт РАН

Вместо пролога: что-то вроде case study

Первые воспоминания

Во время войны мы с матерью оказались в эвакуации в бологовском районе калининской области, в деревне Выползово. Когда мы туда приехали, мне было 9 месяцев и, естественно, я не помню этого момента. Однако мои первые детские воспоминания, как яркие картинки, связаны именно с этими местами (Выползово, Кувшиново). В этих детских воспоминаниях на первом месте вовсе не мама, скорее хозяйка, у которой мы жили – тётя Таня Сорокина, а чаще всего её дети – Рая (ей тогда было лет 6 или 7) и Витя (ему было лет 10-11), которые, собственно говоря, и занимались со мной.

Впрочем, устойчивые воспоминания относятся к моим 4-5 годам. Хорошо помню наше возвращение в Ленинград в мае 1945-го. Хорошо помню, как распечатывали нашу комнату, как мы с мамой собирали газеты, которыми была накрыта вся мебель, как мы с мамой обчихались от столбов пыли. Помню, как впервые увидел ярко-красный трамвай "американку" на Кировском проспекте, и на всю улицу закричал: "Мама! Красотишшато кока!". Помню, как мы возвращались с мамой (не помню откуда) домой и вдруг мама остановилась и сказала мне: "Неужели мы с тобой забыли погасить свет в комнате, когда уходили?". И действительно, в нашем окне на первом этаже горел свет. А когда мы подошли ближе, на занавеске увидели усатую тень. Оказалось, вернулся с фронта мой отец, которого я, естественно, еще никогда не видел.

Отец

Радостной встречи с отцом не получилось. Сначала я испугался его сталинских усов, но это быстро прошло. А потом он стал доставать из сидора подарки и игрушечным заводным слонем напугал меня основательно. Серый железный слон, страшно жужжа и покачиваясь, неуклюже передвигал свои железные ноги шел прямо на меня. Я заревел и быстро залез на кровать. Никакие уговоры не могли заставить меня взять это страшилище. А отец обиделся и надолго. Потом, конечно, все наладилось, но я еще не раз "обижал" отца и наши отношения складывались долго и мучительно.

Мой дед с отцовской стороны был почтовым служащим из дворян. К своим детям он с их раннего детства обращался исключительно на Вы. И дети обращались к родителям также на Вы. Вернувшись с фронта, отец решил заняться моим воспитанием всерьез и начал с того, что пытался научить меня "хорошим" манерам, в том числе приучить к обращению на Вы с ним и с матерью. У него ничего из этого не получилось, я никак не мог перейти на Вы ни с ним, ни, тем более, с мамой.

Да и обстановка этому не способствовала. Мы жили в небольшой коммунальной квартире на Петроградской стороне в девятиметровой комнате, представлявшей собой узкий "пенал".

В одном торце комнаты окно, в другом — дверь. С одной стороны от двери железная дровяная печь, напротив — шкаф. За шкафом вдоль стены моя кровать, за печкой вдоль другой стены диван родителей, за ним обеденный стол. За моей кроватью трильяж. Вот и вся обстановка. Если кому-то надо пройти от двери к окну, а другому от окна к двери, разойтись, не задев друг друга совершенно невозможно. Если маме надо было переодеться, мы с отцом должны были выйти из комнаты. Правда, если нам надо было переодеться, мама никуда не выходила, но честно отворачивалась, если мы просили её об этом. Какое тут "Вы" в такой-то обстановке.

Мой отец, в отличие от мамы, был легкий человек. Если он мне что-либо не разрешал, стоило подольше поканючить и "дело" решалось в мою пользу. В конце концов, отец в сердцах говорил: "Да иди ты с глаз моих! Ноет тут, ноет". У мамы такие номера не проходили никогда: она была тверда, как скала и слово её было таким же твердым.

С войны отец пришел совсем больным. У него открылась язва желудка, и почти весь 1946-й и 1947-й год он провел по больницам, а потом и по санаториям. Понятно, болезни и в связи с этим частое отсутствие дома не способствовали укреплению наших с ним контактов.

Отец имел массу разнообразных увлечений. Он работал шофером и в своей работе был неутомимым рационализатором. Все время что-то придумывал для своей машины. Особенно его рационализаторский талант расцвел, когда он перешел на работу в автобусный парк. На его автобусе пневматические двери не замерзали даже в самые лютые морозы. В салоне зимой было тепло (во всяком случае, заметно теплее, чем в других автобусах), летом никто не умирал от нестерпимой жары. Кондукторы любили с ним работать.

Дома он тоже постоянно что-то мастерил: то совершенствовал фотоувеличитель, то делал какие-то особые приспособления для фото-печати, то "химичил" с разнообразными реактивами для проявителей, закрепителей, тонировок, отбеливате-

лей и т.п. Очень любил выпиливать из фанеры, а потом либо старательно покрывал готовые изделия лаком, либо полировал их. А еще он увлекся вышивкой крестиком. Он и меня увлек этими занятиями. В общем, в "мирные" периоды наших с ним отношений с ним всегда было интересно. И, кроме того, отец имел слабость к разным забавным мелочам. То притащит домой какие-то насадки для мясорубки, то хитроумную открывашку для консервных банок, то смешного и загадочного журавля, который все время кланяется, если перед ним поставить стаканчик с водой и намочить ему клюв. Когда отец не обижался на меня за что-нибудь, с ним было интересно и легко.

Мама

Девять первых месяцев жизни в блокадном Ленинграде не прошли даром — в эвакуацию я прибыл полным дистрофиком. И хотя в эвакуации на натуральном молоке, на ржаном хлебе меня довольно быстро привели в относительно нормальное состояние, в детстве я часто и долго болел. И, естественно, часто пропускал занятия в школе. Чтобы я не отстал от одноклассников, мама занималась со мной дома. Насколько по-

мню, многие предметы она объясняла гораздо интереснее, чем учителя.

Болезнь, конечно, скучно. Особенно, если ты дома один и есть только одно развлечение — радио (сначала это была большая "черная тарелка", потом появился небольшой коричневый ящик с двумя круглыми ручками: одна — регулятор громкости, другая — выключатель). Я с нетерпением ждал приход мамы, а потом того часа, когда перед сном мама читала мне вслух. Это чтение перед сном было ритуальной процедурой в моей семье. На заводе, где работала моя мама, да и у папы на работе были хорошие библиотеки. Родители брали для меня там книги, которые мы и читали перед сном. Это были сказки дядюшки Римуса, рассказы и сказки Киплинга, Хижина Дяди Тома, Приключения Тома Сойера, а потом и Гоголь, Тургенев, Джек Лондон.

Сначала читала мама. Когда я подросток, мы читали вслух по очереди. Иногда мы объединялись с соседями, дочь которых была на четыре года старше меня. Тогда мы собирались за круглым столом у соседей и читали все по очереди: мама, я, Таня (соседская дочь), Елена Михайловна, её мама и Сергей Владимирович, её отец. Это были счастливые вечера.

Сестра

Когда мне было 11 лет, я узнал, что у меня есть сестра. Вроде бы родная, но не совсем. У нас был общий папа (как я потом объяснял взрослым: наш папа — коммунальный), а мамы разные. Сестра старше меня на 4 года и приехала в Ленинград поступать в педагогический техникум. Это событие, конечно, было из ряда вон выходящим. Тогда, прежде всего, в силу моей легкомысленности и слабой склонности к рефлексии, я воспри-

нял это событие довольно спокойно. Теперь, будучи взрослым, я осознаю мудрое поведение моей мамы в этой непростой ситуации. Она приняла Инну очень доброжелательно и спокойно, чем не сразу, но довольно быстро расположила к себе девочку.

У Инны была роскошная (толстая и длинная — почти до колен) коса. Мама обратила внимание на то, что это море волос давно не видело хорошего ухода. И в один из первых дней пребывания сестры в нашем доме, тщательно вымыла ей голову и хорошо промыла косу (как мы шутили с Инной — устроила ей основательную головомойку).

Я уже описывал наш интерьер. Мама решила, что девочка будет спать на моей кровати, а я — на полу, на матрасе (раскладушку ставить было просто некуда). Однако Инна категорически отказалась занять моё "почетное" место и сказала, что на полу будет спать она. Когда мы ложились спать, я свешивался к ней с кровати, мы брали друг друга за руки, и Инна рассказывала мне что-нибудь про Пятигорск, где она жила со своей мамой, про свой дом. Однажды ночью я проснулся от всхлипываний: это плакала моя сестра, да так, что не могла сдерживать рыданий. Естественно, проснулись и родители, чтобы выяснить, что произошло, может быть, кто-то обидел её (естественно, подозрение пало на меня).

Инна довольно быстро успокоилась, сказала, что никто её не обижал, что она просто скучает по дому. А потом зарыдала с новой силой и бросилась маме на шею, обняла её крепко-крепко и сквозь приступ рыданий проговорила: "Мне никто никогда так не мыл голову, даже мама".

Больше Инна не плакала. Мы с сестрой жили душа в душу, папа часто гулял с нами по городу, который он знал очень хорошо, возил по пригородам, иногда к нам присоединялась и мама. Инна подружилась со своей ровесницей — нашей соседкой Таней, с её двоюродным братом, который часто заходил к Татьяне в гости.

В тот год Инна не поступила в техникум и уехала домой. Но теперь я уже хорошо знал, что у меня есть живая старшая сестра. Мы переписываемся с ней, правда, не часто, до сих пор. Она еще несколько раз приезжала в Ленинград. Относительно недавно со своим мужем и сыном, да и я был у неё в гостях в Пятигорске и с удовольствием общался с её детьми Димой и Таней.

Мой приезд в Пятигорск совпал с днем рождения моей мамы (к этому времени ни её, ни нашего отца уже не было в живых). О дне рождения мамы (к стыду своему) вспомнил не я, а Инна. Мы помянули маму и, естественно, разговорились о ней. Инна спросила меня, часто ли мои родители ругались друг с другом, и, получив отрицательный ответ, сказала фразу, которую я хорошо запомнил: "Я так и думала. Какой же ты счастливый, какие замечательные у тебя были родители, особенно твоя мама".

После этого разговора, вспоминая свое детство, я пытался вспомнить хоть один случай ругани между моими родителями и не вспомнил. Конечно же, они ссорились (в основном из-за меня), но никогда (во всяком случае, при мне) не выясняли отношения. Что удалось вспомнить? Несколько интонаций и "нестандартных", редких в устах моих родителей обращений друг к другу. Например, если мама, обращаясь к отцу, говорила: "Знаешь Борис!", или если папа говорил маме: "Клавдия!", я сожалел, что лучше куда-нибудь слинять и не попадаться родителям под руку в этот момент. Я спрашивал, можно ли мне пойти погулять, и в такие моменты никогда не получал отказа.

Наш дом, наша улица

Жили мы в небольшом доходном доме на Петроградской, где было довольно много (по тем временам) детей — моих ровесников. Мои сверстницы (а потом, после объединения мужских и женских школ, и одноклассницы) жили в одном со мной подъезде: Валя в квартире напротив, а Люська на втором этаже.

Другие наши ровесники с четвертого этажа почему-то учились в другой школе.

Но когда мы доросли до 5-6 класса и у нас по математике пошли заковыристые задачи с поездами, которые, то догоняли друг друга, то ехали друг другу навстречу; с бассейнами, из которых вода, то выливалась, то вливалась, мы решали их всем домом. Конечно, мы и сами пытались их решать, но в основном это была забота родителей. Задача родителей состояла не только в том, чтобы решить задачу, сколько в том, чтобы представить её решение в том виде, который от нас требовали в школе. Чаще всего правильное решение находила моя мама, что было предметом моей гордости.

Мы, дети, конечно же, хорошо знали родителей своих сверстников, но общались в основном друг с другом, невзирая на гендерные различия и образовывали "тотальный" детский круг общения. Теперь вспоминаю, что родители наши общались друг с другом весьма избирательно. Впрочем, мы знали не только всех жильцов нашего дома, но также и жильцов соседних домов. А в круг нашего общения входили также и дети из некоторых других "дружественных" домов (с детьми из других домов мы не водились).

Как-то мы решили разбить садик около нашего дома. Все дети участвовали в этом. К нам присоединились ребята из других домов. Недели две мы работали не покладая рук: расчистили площадку, разбили клумбы, обложив их по периметру кирпичами, посадили цветы и несколько кустов сирени (выкопали их с пустыря около планового института), сколотили скамеечки. А через несколько дней мы нашли наш садик разрушенным. Это взрослые парни из соседнего дома устроили там драку. Мы восстановили все порушенное. Но, к сожалению, этому садуку была уготована не долгая жизнь: старшие парни, да и взрослые все-таки разрушили его.

"Трудовые будни" и игры

В доме было печное отопление. Осенью, как правило, родители были озабочены покупкой дров на зиму. А когда дрова привозили, наступала наша очередь: мы эти дрова пилили, кололи и складывали, кто в сарай, а кто просто в поленицы рядом с сараями. Конечно, родители тоже участвовали в этом важном деле, но в основном это была наша детская обязанность. И здесь, если и были гендерные различия, то лишь в одном: пилили дрова все, и мальчишки, и девчонки, а кололи — только пацаны. Это было интересно, мы знали, что это нужно (в том числе и нам) и не воспринимали это как "обязаловку" или насилие.

Кстати, когда дрова за печкой кончались, принести их из сарая было моей заботой. С раннего возраста мы привыкли к самообслуживанию. Родители были заняты на работе, так что подогревать обед приходилось самому. А иногда, мама просила меня к её приходу с работы не только сходить в магазин, но и почистить картошку, или замочить горох. Было также немилосливо оставить после себя не вымытую посуду. И не только потому, что за это может "влететь" по первое число. Это было нормально не только для меня, но и для всех моих сверстников. Да и уроки, как правило, мы старались сделать до прихода родителей с работы. И, конечно же, как всякие нормальные дети, мы находили время и для игр.

Зимой мы играли в хоккей: прямо по улице гоняли самодельными клюшками теннисный мячик, либо просто консервные банки. Ходили и на каток, либо на стадион метростроя (на Левашовском), либо на небольшой стадион "Спартак", который находился во дворе ДК Промкооперации. И то, и другое было довольно далеко от дома, поэтому на каток нам не разрешали ходить в одиночку, только группами. Когда мы подросли, то стали ездить на каток в ЦПКиО. Но и для дома у нас было много разных игр, включая фанты и "бутылочку".

Весной и осенью самозабвенно играли в штангар, в чижика, в казаки-разбойники, в лунки, в ножички, в пристенок, в

"чхе", в "вышибалы", в "съедобное — несъедобное", а то и вместе с девчонками с удовольствием прыгали "цепочкой" через веревочку. Только до прыгалки в "классиках" пацаны никогда не опускались. Игру у нас было много, и все дворы были в полном нашем распоряжении.

Великая вещь — двор. Но самой любимой игрой пацанов была игра в пятнашки на крышах многочисленных сараев. Это было весело и страшно. Сколько раз мы проваливались в сарай (крыши нас не выдерживали), сколько раз срывались вниз, разбивали себе носы, ломали руки и ноги. Сколько раз родители запрещали нам бегать по сараям, обещая оторвать эти самые руки и ноги.

После фильма "Три мушкетера" мы заболели фехтованием и без конца сражались на палках (как только глаза себе не повывкалывали?). А после фильма "Тарзан" дворы оглашались нашими дикими воплями, а на многих деревьях появились "тарзанки" — веревки, на которых мы качались до одурения, а некоторые, наиболее отчаянные, пытались на тарзанках перелезть с одного дерева на другое, как настоящие Тарзаны.

Школа

Пока мы были дошкольниками и учились в младших классах, главным "водоразделом" был возраст. Наш круг составляли ровесники. С малышами было уже не интересно, а старшие не брали нас в свою компанию. Да и родители "настороженно" относились к нашим контактам со старшими ребятами.

В школе (даже в младших классах) мы кучковались уже на совсем иных основаниях: по одежке, по способностям, по отношениям с учителями и т.п. Каждый класс не представлял собой монолитного единства, но дробился на относительно "замкнутые" группы, группочки, кружки. Да и к учителям мы относились очень по-разному: одних любили, других — не очень, а кого-то и очень даже не любили и всячески досаждали им, чаще всего — совсем не по делу.

Завучем у нас был учитель географии, которого за длинный с горбинкой нос прозвали "рубило". Когда на перемене он появлялся в конце длинного школьного коридора, весь коридор начинал скандировать: "РУ-БИ-ЛЮ, РУ-БИ-ЛЮ". Те, мимо кого он проходил — молчали, но те, кого он уже прошел, и те, до кого он еще не дошел, продолжали орать. Григорий Иванович Шляпентох (так звали завуча) был мудрый человек и совершенно невозмутимо проходил по коридорам школы. Позже, когда у нас в расписании появилась география, мы просто влюбились в него. Это был блестящий рассказчик и учитель, его уроки я помню до сих пор. Впрочем, и любовь не мешала нам издеваться над ним.

Довольно часто Григорий Иванович объявлял тему урока, а потом закрывал глаза, чтобы сосредоточиться и представить себе то, о чем будет говорить, и начинал: "Байкал, ребята, лежит как в каменной чаше...". И тут на весь класс раздавался мой голос: "Иди ты!". Учитель открывал глаза, строго смотрел на меня. "Это я не Вам, это Беляевскому (своему соседу по парте)". Учитель закрывал глаза и начинал снова про Байкал. И тут раздавался голос Беляевского: "Да ну!". После третьей нашей реплики, мы с Оськой изгонялись из класса. А после уроков должны были явиться в кабинет завуча. И он — нам двоим — повторял весь урок. Да не просто повторял, но показывал много такого, что не мог показать всем на уроке. Это было здорово, хотя слегка омрачалось записями в дневниках о нашем безобразном поведении на уроке, за что дома нас, конечно же, не гладили по головке.

Отношения с учителями — отдельная тема. В основном у нас были хорошие учителя. Со сверстниками все было гораздо сложнее, особенно после того, как объединили мужские и женские школы. Это произошло, когда мы перешли в 7-й класс и когда девочки, которые к этому времени уже почти сформировались и стали интересоваться нас, как девочки. Конечно, присутствие девочек несколько смягчило нравы мужского коллектива

ва. В мужской школе "стычки" случались часто, в присутствии девочек они стали реже, но зато гораздо жестче. С одной стороны, девочки сдерживали пацанов, но когда доходило до драк, их присутствие "заходило" сильнее.

Группы влияния (референтные группы)

Классу к седьмому мы уже почитали себя за взрослых, самостоятельных людей. И действительно, степени нашей свободы существенно возросли, мы просто лучше научились лучше уходить из-под контроля и родителей, и учителей. В то же время существенно расширился круг общения. В нем, кроме соседей и соучеников, появились и другие сверстники, и другие взрослые, которые подчас оказывали на нас более серьезное влияние, нежели даже родители. Здесь тоже есть, что вспомнить, но не буду утомлять читателя биографическими подробностями.

Думаю, теперь уместно по-рассуждать о динамике смены референтных групп. У маленьких детей референтные группы складываются, конечно же, из самого близкого семейного и соседского окружения, и это преимущественно взрослые. Уже в детском саду (и, тем более, — в школе) состав референтных групп изменяется и смещается, скорее всего, в сторону сверстников. В старших классах и на первых курсах вуза происходит еще одна важная смена состава референтных групп: они, с одной стороны, все более "взрослеют", а, с другой, — фактор возраста как бы теряет свое значение.

По крайней мере, именно такого рода изменения я могу зафиксировать, анализируя свою собственную биографию. Это, если угодно, гипотеза о динамике референтных групп в жизненном цикле.

На этот вопрос можно посмотреть и с другой стороны, а именно: со стороны различий между разными поколениями. Мне почему-то кажется, что у моего сына референтные группы сменялись примерно так же, как и у меня (с той лишь разницей, что он никогда не ходил в детский сад). А вот как они трансформировались у моей старшей внучки (ей сейчас 26) — это для меня вопрос, который не имеет однозначного ответа. Есть предположение, что современная молодежь дольше задерживается (заключивается) на сверстниках.

Один из моих коллег задался таким вопросом: "Почему дети не хотят становиться взрослыми, а взрослые не хотят взрослеть?"

Дети как раз мечтают о том, чтобы стать взрослыми, чтобы к ним, наконец-то, перестали относиться, как к детям (т.е. как к недочеловекам). А взрослые не хотят взрослеть исключительно из-за того, чтобы оттянуть момент полной юридической и моральной ответственности за свои собственные поступки.

Этот посыл относительно зависти взрослых к детям игнорирует (может быть отчасти, но это мне представляется принципиальным) тот факт, что дети берут в качестве образцов отнюдь не только взрослых (не только их), но также и своих сверстников. И еще достоверно неизвестно, кто из них (взрослые или дети) авторитетнее для детей.

К примеру, мой младший внук говорит: "У меня есть дурной друг Гриша". Естественно, поведение Гриши мой внук не воспроизводит. Но когда я пытаюсь ему объяснить по какому-либо конкретному поводу, что так-то и так-то поступать нехорошо, он мне отвечает: "А вот мой хороший друг Паша всегда так поступает". Конечно, еще надо понять, что внук понимает под словом "поступает". Но его апелляция к Паше подчас перевешивает и мои сентенции, и сентенции его папеньки (моего сына), и он (а ему 4,5 года) настаивает: "А Паша всегда так поступает".

Из этого следует, что у 4-х летнего человека есть уже свои представления о том, что такое хорошо, и что такое плохо. Мало того — он их хорошо различает, и этим представлениям следует в своем реальном поведении.

А если представление о "дурном друге" Грише и "хорошем друге" Паше навеяно не родителями, но сформировалось в его собственном мозгу? Тогда это может стать серьезной пробле-

мой для родителей. Чему же тут завидовать?

Понятно, что завидовать детям (с позиции нашего взрослого положения) мы можем только в одном: в том, что они безответственны перед жизненными обстоятельствами и ситуациями. А в чем еще взрослые могут завидовать тем, кто во всем (без исключения) зависит от них, чьей судьбой они распоряжаются тотально и практически бесконтрольно (если только не выходим за пределы уголовного права). Не свидетельство ли это инфантильности таких взрослых?

Так что, вопрос о зависти взрослых по отношению к детям — чисто "взрослое" самомнение, не подкрепленное никакими фактами. И когда некоторые взрослые говорят, что завидуют детям, это "чистая туфта" или иносказание. По-моему, есть один (и только один) повод завидовать детям — это их безответственности (прежде всего юридической, но и моральной: "малый ребенок, что с него возьмешь").

Все эти разрозненные картинки моего детства не так уж и разрознены. Каждая из них дорога мне по своему, но каждая имеет для меня сегодняшнего и свой совершенно определенный (в том числе, социологический) смысл. Пора раскрыть этот смысл и подвести промежуточные итоги этой биографической "реконструкции".

В первом эпизоде для меня важно следующее. В эвакуации мы попали в другой быт, вошли в "чужую" жизнь, которая на какое-то время стала и нашей. Дети тети Тани Сорокиной — Рая и Виктор — занимались мной без всякого принуждения со стороны взрослых: так было принято в деревне, что старшие дети заботятся о младших. Родители заняты своими взрослыми делами.

Должен сказать, что мои отношения с отцом окончательно наладились, к сожалению, лишь перед самой его смертью. Сегодня, оглядываясь на свой жизненный опыт, я могу действительно лучше оценить своего отца и понимаю, что в непростоте наших отношений были свои плюсы. А именно: хотя я и обращался к нему на "ты", всегда существовала необходимая дистанция, не допускающая "сентиментальных слюней" и панибратства. И, в то же время, имел место постоянно подогреваемый отцом (думаю, не осознаваемо с его стороны) интерес к его занятиям и к нему самому.

В отличие от отца, мать сознательно держала дистанцию, но постоянно заботилась о том, чтобы наше общение не замыкалось на быте. Мы ведь не только читали вместе с ней разные книги, но обязательно обсуждали их. Герои книг, благодаря маме, входили в мою жизнь, как полноправные её участники, именно как герои, достойные подражания или как антигерои, подражания недостойные.

Опять-таки, благодаря маме, очень непростую ситуацию с сестрой (у которой другая мама, но все-таки она моя сестра) я воспринял спокойно и без ревности. Конечно, только став взрослым, я осознал мудрость и мужество своей матери в этой — и для неё не простой — ситуации. Так принять, и так отнестись, в общем-то, к чужому ребенку, мог только мудрый человек. Вспоминая мамины скупые рассказы об её детстве, которое было отнюдь не безоблачным, теперь я понимаю, что эта мудрость — результат её собственного жизненного, в том числе, и детского, опыта.

Очень характерный эпизод из маминой биографии. Она не ладилась со своей матерью (на то были свои — и достаточно веские причины). Мама, в свои 9 лет решила уехать в Америку. Однако в американском обществе Красного Креста, которое организовывало помощь российским детям, потребовали принести письменное согласие родителей. Конечно, бабушка такого заявления писать не стала. Вопрос вроде бы решился сам собой. Тогда моя мама взяла за руку свою младшую сестру и поехала в Павловск, в детский дом, куда их и приняли. Здесь не

понадобилось письменного заявления от родителей. Кстати, замечу, что бабушка и не искала двух своих младших дочерей — пропали и пропали, что тут поделаешь? Время было смутное — 1918 год.

Конечно же, в детстве я мало внимания обращал на проблемы общения. Вспоминая сейчас своё детство и наш дом, констатирую, с одной стороны, "замкнутость" нашего детского общения и его тотальность и самодостаточность, а, с другой стороны, — на еще большую замкнутость и высокую избирательность общения между взрослыми — нашими родителями. Сегодня мне представляется это важным.

Следующий эпизод — о занятиях и играх — может быть и не требует комментария, однако стоит отметить, что домашние дела были неотъемлемым элементом нашего детства. Это все происходило совершенно естественно — таковы были условия нашего послевоенного детства. Также стоит отметить, что в подавляющем большинстве наши игры (как дома, так и на улице) были коллективными. И игр у нас, повторюсь, было много.

Школа становится для ребенка не только местом, где его обучают грамоте и счету, а в полном смысле этого слова — школой жизни. Именно здесь, постоянно взаимодействуя со многими "другими", ребенок непосредственно сталкивается с простыми фактами. "Других" — много, и все они разные. Иными словами, он сталкивается с реальным неравенством, а также начинает различать разнообразные виды и формы неравенства. В каком-то смысле, моему поколению и повезло, и не повезло. Мы застали отдельные школы: мужские и женские, и вкусили "прелести бурсы". А затем школа стала смешанной, причем, как раз в то время, когда мы уже начали интересоваться другим полом. А тут — вот он, этот другой пол. И первые влюбленности — пусть не сразу, — но перестали быть чем-то совсем уж запретным, и тем более — стыдным.

И, наконец, последний фрагмент — точно не требует комментария, ибо сам по себе оказался не столько воспоминанием, сколько размышлением и комментарием.

Современная пресса полна сообщений о суицидах, жестоких побоях, отчаянных побегах, о растущем числе бездомных. И все это — о детях.

По разным городам России прошла волна детских и подростковых самоубийств; интернет и телевидение полны сюжетов о жестоких издевательствах подростков над своими сверстниками; радио и телевидение регулярно сообщают о фактах убийства детей их же собственными родителями. Общество вроде бы озабочено этими фактами: с одной стороны, вводится специальный институт уполномоченных по защите прав детей, а, с другой, — некоторые местные законодательные собрания, да и Госдума, обсуждают законопроекты о снижении возрастной границы для уголовного преследования с 14 до 12 лет.

Поразительно, как скоры мы на решения. А ведь прежде, чем принимать какие-либо решения, стоило бы понять, откуда у проблемы "ноги растут", разобраться в причинах, которые отнюдь не лежат на поверхности. Именно попытке понять, что происходит с детьми, с детством (заметим, не только в России), и посвящены эти разрозненные (пока что разрозненные) заметки.

О важности дистанции между детьми и родителями (еще немного биографики)

В 1993 году моя внучка пошла в школу. Так получилось, что в школу определял её я. Да и жила она тогда не с родителями, а с нами, с дедом и бабушкой. На первом родительском собрании

классный руководитель начала свой монолог словами: "Дорогие родители, бабушки и дедушки". После собрания я подошел к ней и спросил, почему она обратилась к нам именно так. На что получил спокойный ответ: "А вы думаете, что только вы свою внучку привели в школу? Да у меня около трети учеников живут с бабушками и дедушками, а также с дядями и тетями, а то и со старшими братьями или сестрами. Не подумайте, что у них нет родителей. По разным причинам дети живут отдельно от них". Отметим, — это в "элитарной школе"!

В скором времени мы получили заказ на исследование проблем организации школьного питания. Это было представительное (то-бишь — репрезентативное) для города исследование. И я включил в опросные методики, кроме стандартных вопросов о родителях, вопрос о том, с кем постоянно проживают школьники. Оказалось, что в 90-е годы в Петербурге проживание детей отдельно от родителей было весьма распространенным явлением. Причем, это касалось не только первоклашек. Практически в любой школе и в любом классе можно было обнаружить таких детей.

Мне вспомнился случай из моего школьного детства. К нам в класс пришел новый мальчик (это было, когда я учился то ли в 4-м, то ли в 5-м классе). Учителя отнеслись к нему очень сочувственно по той причине, что он жил с бабушкой отдельно от родителей. Правда, я помню, что моя мама (да и другие родители, и некоторые учителя) очень осуждающе отзывались о родителях этого мальчика. Примерно в таком духе: "Подумаешь, геологи! Родили ребеночка, так и занимались бы его воспитанием, а не мотались по экспедициям. На старую бабушку легко свалить, а ей-то каково, да и мальчонке, как без родителей? Бабуку он не очень-то слушает". (Бабушка Вовки — так звали этого мальчика — действительно часто плакала из-за того, что не могла совладать с внуком.) Одним словом, случай этот вначале 50-х был редким и вызывал отнюдь не однозначную реакцию окружающих. А вначале 90-х это стало чуть ли не нормой.

Что же случилось? Мне удалось заинтересовать этим вопросом одну из своих студенток¹, и она стала писать курсовую работу под условным названием "Приходящие родители". Мы с ней долго обсуждали эту проблему, не понятно было, как к ней подступиться и теоретически, и эмпирически. В конце концов, решили обратиться к русской художественной литературе и самым внимательным образом перечитали все, что касалось детства. Прежде всего, конечно же, книги известных писателей: Аксакова, Льва Толстого, Алексея Толстого, Горького, а затем и биографии других русских писателей, ученых и других выдающихся деятелей 19 века. Кроме того, перечитали и другие художественные произведения, в которых более или менее подробно описывалось детство героев.

Это чтение позволило обнаружить в прошлом, по меньшей мере, три разных модели взаимодействия (отношений) между родителями и детьми: аристократическую (дворянскую), крестьянскую и мещанскую. К сожалению, русская литература не дала сколько-нибудь яркого описания отношений между родителями и детьми в рабочих семьях. Прослойка эта тогда была исчезающе малой. Но названные выше модели в художественной литературе представлены достаточно подробно. В них есть некоторые общие черты, такие, например, как определенная социально-психологическая дистанция между родителями и детьми (особенно в дворянских семьях); как теперь бы сказали, полифункциональность отношений; наконец, ролевые гендерные позиции. И, тем не менее, каждая модель обладала и своими особенностями, специфическими чертами. И вот что интересно, в прошлом (практически до конца 19 века) дети, как правило, жили практически отдельно от родителей.

В дворянских семьях детьми занимались последовательно: кормилицы, няньки, гувернеры, а затем и закрытые учебные за-

¹ Ира Богомолова окончила СПб ГУки в 2002 году, кстати, и диплом свой она посвятила этой же теме.

ведения. С родителями более тесное взаимодействие началось достаточно поздно. Мальчики преимущественно взаимодействовали с отцами, которые готовили их к службе в армии или к государственной службе. Девочки — с матерями, которые готовили дочерей к выходу в свет и к замужеству. Программа подготовки к выходу замуж была весьма интенсивной. Стоит заметить, что это общение не ограничивалось лишь бытовой тематикой, оно было интеллектуально насыщено. В раннем детстве, общение с родителями было редким и важным событием в жизни ребенка. Более того, с раннего детства ребенок обращался к родителям на Вы, но и родители также обращались к детям на Вы.

В крестьянских семьях также присутствовал институт кормилиц, а затем детьми занимались... дети. Уже пяти-шести летние девочки нянчились с малышами, более старшие дети присматривали за младшими (вспомним хозяйских детей, которые "пасли" меня маленького в эвакуации). В крестьянских семьях также выдерживалась гендерная параллель. Здесь дети гораздо раньше, нежели в дворянских семьях, вступали в более тесное общение с родителями. Соответственно, девочки помогали матерям и бабушкам по хозяйству, а мальчики занимались мужской работой. При этом, родители выполняли еще одну важную функцию: они были учителями и наставниками детей. Кстати, и в крестьянских семьях дети жили на своей половине дома, и здесь существовала значительная и пространственная, и социально-психологическая дистанция между ними и родителями; и здесь было принято обоюдное обращение на Вы.

Мещанские и купеческие семьи представляли в определенном смысле маргинальный тип. В нем присутствовали одновременно черты и крестьянской и дворянской моделей. Но тянулись здесь обычно — к "просвещенной", дворянской.

Пространственно разделённое ежедневное проживание и социально-психологическая дистанция обеспечивали для детей ореол тайны вокруг взрослой (родительской) жизни и обеспечивали безусловное уважение к родителям и непрерываемое послушание со стороны детей.

Отношения "родители — дети", как и всякие социальные отношения, весьма инерционны. И, тем не менее, с течением времени под влиянием разных обстоятельств они изменяются. Уже в 19-м веке на эти отношения влияли: урбанизация, индустриализация, затем великий социальный эксперимент — Великая октябрьская социалистическая революция, войны, жилищный вопрос и многое другое. Естественно, эти влияния были не одномоментны и неравномерны.

В итоге сегодня практически ушло из семейного обихода обращение друг к другу на Вы; заметно сократилась социально-психологическая дистанция между родителями и детьми; еще более заметно сократилось общение родителей с детьми, выходящее за рамки обычного обихода. Правда, после перестройки с появлением относительно новых социальных слоев (предприниматели, олигархи, топ-менеджеры) некоторые элементы старых моделей отношения "родители-дети" приобрели "новое дыхание". В частности, возрождается институт нянь, гувернеров, домработниц, на которых занятые родители перекладывают повседневные заботы о своих детях. Т.е. обнаруживается "обратное движение маятника": новое — это хорошо забытое старое. Правда, и потом (по некоторым наблюдениям) родители не начинают более интенсивно общаться со своими детьми.

Где кончается детство?

Думаю, что правы были древние греки, которые считали, что детство (а точнее — младенчество) заканчивается овладением человеческой речью и основными правилами современной им "культуры" (иначе говоря, принятыми в данном обществе правилами взаимодействия между людьми), т.е. примерно к шести-семи годам. Именно к этому времени (и по данным со-

временной психологии) в среднем завершается период первичной социализации (т.е. освоение наиболее общих правил и норм). Без этого оказывается затрудненной или невозможной адаптация к различным (более или менее специфическим) формам группового взаимодействия.

К тому же, в этот ранний период жизни ребенок и физически тотально зависим от других людей. Хотя, как только ребенок встал на ноги (т.е. начал самостоятельно ходить), степени его свободы существенно расширяются. А когда он научился "нормально" говорить, так, что уже не нуждается в специальном переводчике, многие родители впадают в серьезное беспокойство, обнаружив, что у дитяти-то уже свой характер. И это случается уже к 3-4 годам, а не к 6-7.

С учетом этого обстоятельства представляется обоснованной следующая периодизация детства:

- младенчество — от рождения до 2 лет;
- собственно детство — от 2 лет до школы (т.е. до 6-7 лет);
- младший школьник (ребенок) — от 7 до 10 лет;
- отрочество — от 11 до 14 лет.

Думаю, что детство (в прямом и полном смысле) кончается именно здесь. В 14 лет человек (в нашей стране) получает паспорт и вместе с ним — правовую ответственность за свои поступки (пусть еще не полную). Если до этого вся ответственность за его поведение ложилась исключительно на родителей, то теперь ответственность за некоторые свои поступки ребенок несет самостоятельно. Промежуток между 14 и 18 годами можно рассматривать, как период адаптации (привыкания) к **полной** ответственности.

У нас почему-то принято объединять проблемы детства и молодости. Только за последние годы прошло три всероссийских конференции под девизом "Дети и молодежь — будущее России". Можно понять, почему это происходит. Действительно, взросление наступает все позже и позже, не случайно "раздвигаются" официальные возрастные границы. Еще относительно недавно молодость привязывалась к "комсомольскому" возрасту — до 28 лет. Затем к этой границе добавили 2 года и "молодыми" стали считаться люди до 30 лет. Теперь же возрастной порог, по крайней мере, для молодых ученых и еще нескольких более узких категорий, отодвинулся еще на 5 лет.

Вспоминаются и просто курьезные эпизоды. В структуре Союза писателей СССР, наряду с секциями романистов, драматургов, поэтов была секция молодых писателей. Когда принимали в Союз писателей одного моего друга, его "приписали" именно к этой секции на том основании, что к этому времени он опубликовал одну книжку и сдал в издательство вторую. (Имеющий всего две книжки за душой, конечно же, молодой писатель). Вадиму Григорьевичу Фролову было в то время уже за 50 и за его плечами было около четверти века журналистской практики в изданиях самого разного уровня, от многотиражной, до областной газеты и до всесоюзных журналов. Друзья при случае "затыкали его": "А ты, молодой еще, сиди и не вякай!", на это Вадим не обижался. Ну, это так, к слову пришлось. Т.е. молодой — это начинающий.

Эти "плавающие" границы существенно затрудняют и замутняют серьезный анализ, в том числе и теоретический. Представляется, что если говорить именно о детстве, то основным критерием для выделения этого периода жизни человека, — все-таки должна быть именно общественно признанная мера ответственности человека за свои собственные поступки, и полнота этой ответственности. Конечно, для меня и в 50 лет мой сын остается моим "ребенком", но это лишь свидетельство нашего родства, и не более того. Не только для меня, но и в самовосприятии, и для окружающих он перестал быть "ребенком" довольно давно. Когда он учился в 7-8 классе, в моменты "интенсивного воспитательного порыва" я, как и многие другие родители, говорил ему: "Ты уже **взрослый** парень, а ведешь

себя, как ребенок". И это действовало.

Для некоторых — к сожалению, для кого-то — к счастью, но детство кончается. Не "рано или поздно", оно кончается объективно, хотя у одних чуть раньше, у других — чуть позже, (но лишь "чуть").

О предмете социологии детства

Известно, что социологий развелось много: и социология труда, и социология организаций, и управления, и социология города, сельская социология и т.п., и, наконец, социология детства². С легкой руки Роберта Мертона, который считал, что еще не пришло время для разработки фундаментальной общей социологической теории, эти разные социологии называют частными социологическими теориями или теориями среднего уровня. По сути дела, с помощью этих теорий Мертон как бы "расчленил" объект социологии — общество — на множество относительно автономных его элементов, каждый из которых описывается своей частной теорией. Но, в то же время, для всех частных теорий общим остается "имя существительное" — социология, а также предмет этой науки.

Не будем отвлекаться на обсуждение, ставшего в последнее время остро дискуссионным, вопроса об объекте социологической науки. Это серьезный вопрос, о котором нельзя говорить между делом. А вот вопрос о предмете социологии здесь никак нельзя обойти молчанием или отложить на потом.

Определений предмета социологии, начиная с Конта, огромное множество. Ближе всех к сути дела, с моей точки зрения, подошел к этому определению Э.Дюркгейм, но и его определение, хотя и явилось серьезным продвижением, прежде всего, в методологическом плане, не стало окончательным. В подавляющем большинстве случаев современные определения очень громоздки, распыляемы и тяготеют к философско-беллетристическому жанру. Даже у В.Ядова это определение занимает целый абзац и включает в себя, как мне кажется, много лишнего³.

Глубокий анализ различных определений предмета социологии сделал в свое время Н.И. Лапин⁴. Выделение основных (в т.ч. часто встречающихся) в этих определениях элементов позволяет выделить "сухой осадок", в котором оказываются четыре основных компонента. А именно, в предмет социологии (а это и есть то, что изучает именно эта наука) входят: 1) социальные общности; 2) социальные отношения, которые складываются между общностями, а также в результате разделения труда и распределения социальных функций; 3) социальные институты (и как организации, и как совокупность норм и правил, регулирующих поведение людей) и, наконец, 4) социальные процессы. Вот эти четыре компонента, взятые в неразрывном единстве и составляют предмет социологии. И это определение справедливо для любой "частной" социологии, в том числе и для социологии детства.

Стоит более детально описать предмет этой частной социологической дисциплины. Понятно, что далеко не все существующие и мыслимые общности в равной степени важны для неё, но только те, которые имеют к детству (как социальному феномену и фрагменту социальной реальности) непосредственное отношение. В первую очередь, это сами дети. Для того, чтобы точно выделить эту общность (а точнее, эту группу общностей) и важно выделить четкие критерии, по которым она может быть выделена однозначно, что мы и попытались сделать выше.

Для краткости и наглядности приведу следующую таблицу.

Когда мы говорим, что эти компоненты должны быть взяты в неразрывном единстве, это вовсе не значит, что в каждом конкретном исследовании (неважно — теоретическом или эмпирическом) они совершенно равнозначны (см. колонку "примечание" в табл. 1). Это значит только то, что ни один из этих элементов не должен быть упущен из вида, и должна быть четко определена функция, которую данный элемент выполняет в этом исследовании (объекта или предмета, например). Кроме того, в каждом конкретном исследовании, мы не обязаны брать все мыслимые и не мыслимые общности, но только те, которые играют наиболее существенную роль в нашем исследовании; те, на которых наиболее ярко и выпукло проявляются изучаемые нами в рамках данного исследования конкретные отношения (или их разновидности).

Вместо заключения. К диагнозу состояния современной социологии детства

Посмотрим на современные публикации, которые помещаются под рубриками социология детства и социология молодежи (сейчас они практически не различаются). Взять, к примеру, сборник "Дети и молодежь — будущее России" (Матери-

Таблица 1
Структура предмета социологии детства

Компонент предмета социологии	Наполнение компонента	Примечание
Общности	Дети (от 0 до 14 лет) Родители (с учетом пола) Воспитатели яслей и детских садов Врачи-педиатры Учителя Няни, гувернеры, репетиторы и т.п. Работники специализированных социальных служб	В эмпирических исследованиях чаще всего выступают в качестве Объекта
Социальные отношения	Родители – дети Дети- дети Дети – воспитатели Родители-воспитатели и т.п.	В эмпирических исследованиях чаще всего выступают в качестве Предмета исследования
Социальные институты (учреждения)	Детские ясли, Детские сады, Школа, Детские поликлиники, Профильные комитеты органов власти и т.п.	В эмпирических исследованиях чаще всего выступают в качестве Объекта
Социальные институты (социальные регуляторы)	Семья, Институт опеки, Школа, Право, в том числе Семейный кодекс и т.п.	В эмпирических исследованиях чаще всего выступают в качестве Предмета исследования
Социальные процессы	Формализация отношений, Компьютеризация, Интенсификация темпа жизни, Информационные процессы, и т.п.	В эмпирических исследованиях занимает маргинальное положение, может рассматриваться и как объект, и как предмет

² Достаточно полный перечень разных социологий можно найти в программе 4-ых всероссийских социологических конгрессов (февраль 2012, Москва и октябрь 2012, Уфа). И там, и там представлена социология детства, как отдельные секции. В слову сказать, в программе уфимского конгресса почему-то отсутствует, как класс, социология культуры.

³ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. — М.: "Добросвет", "Книжный дом "Университет", 1998 — с.36.

⁴ Лапин Н.И. Предмет и методология социологии //Социологические исследования, 2002, № 8, с. 106-119

алы Второй Российской научно-практической конференции), Вологда, 7-9 июля 2004. Прежде всего, в этой здоровенной книге (более 560 страниц) опубликовано 104 авторских текста. В названиях только 11 текстов (из 104) фигурируют слова "дети" и "ребенок" (при этом несколько раз слово "дети" дополняется словами "и молодежь").

Более того, дети, как особый объект исследования выступают в этой книге крайне редко. Выясняется, что вообще-то не о них идет речь. Чаще всего в качестве объекта исследования выступают различные институции (школы, поликлиники, профсоюзы и т.д. и т.п. Приведу несколько типичных заголовков: "Ресурсная программа профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательном учреждении", "Итоги и перспективы развития научно-образовательного центра в регионе", "Новые технологии в организации профилактической работы МУЗ "Детская поликлиника №1" г. Вологды", "Эффективность системы охраны материнства и детства с позиций финансового макроанализа", "О некоторых аспектах модернизации школы", "Эффективность системы охраны материнства и детства с позиций **финансового** макроанализа" (выделено мной — О.Б.). Это не просто типичные заголовки, это — основной вопрос, который обсуждался на конференции — совершенствование институтов и технологических приемов.

Если оценивать содержание конференции с точки зрения полноты представленности в докладах предмета социологии детства (или социологии молодежи), то картина получается просто удручающая. Среди общностей, которые попадают в поле зрения исследователей, собственно дети и родители практически отсутствуют, доминируют здесь... чиновники. Среди анализируемых видов социальных отношений, доминируют отношения между учителями и чиновниками. Даже социальные институты, как социальные регуляторы, практически не рассматриваются. И социальные процессы упоминаются очень и очень редко, а если и упоминаются, то почти исключительно в алармистском ключе.

Ну, да ладно, это все-таки не научная, а научно-практическая конференция, и крен в сторону административного прагматизма в определенной мере здесь можно считать оправданным. Но ведь примерно такую же картину мы увидим и под соответствующими рубриками социологических журналов. А это означает, что содержательное поле частной социологической дисциплины просто не освоено: неразрывное единство предмета науки разорвано. И тогда возникает вопрос, а есть ли у нас социология детства, если сам центральный для этой дисциплины феномен — детство — рассматривается в рамках дисциплины, скорее как лозунг, но не как предмет серьезного и глубокого описания и анализа.